

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД 12-и МАКАМЫ АЛ-ХАРИРИ

Рассказывал аль-Харис ибн Хаммам:

Раз из Ирака отправился я в Дамасскую Гуту: снял с верблюдиц породистых крепкие путы, навьючил на них тюки с поклажей богатой, нагрузил свой кошель звонким золотом — словно вымя, полное молока — чтоб в дороге от скудости не сжималась рука. На пути много трудностей мы претерпели; устали наши верблюдицы и ослабели. Но я увидел, что справедлив о Гуте людской рассказ: все вокруг веселило душу и тешило глаз. Благодарный судьбе за ниспосланные улады, сломал я страстей преграды и в их бесконечном кружении собирал повсюду плоды наслаждения, пока мои спутники не замыслили возвращение. И тогда я от ослепленья очнулся, родину вспомнил и сердцем к ней потянулся. Свернул я палатку разлуки и узду возвращения взял я в руки. Все были готовы, меж собой стоворились, но пуститься в путь не решились: нам нужен был сторож и проводник, что к трудным путям в пустыне привык. Мы по всем племенам его искали, тысячи хитростей употребляли, но напрасны были наши старания и ухищрения — скоро нас охватили сомнения: а найдется ли среди живых такой, кто сможет в пути сохранить нам покой? И вот мы сошлись у дамасских ворот, чтобы решить, как дальше дело пойдет. И весы наших мнений то опускались, то поднимались, узлы решений то затягивались, то распускались. Наконец наши доводы все иссякли и не осталось надежды ни капли. А против нас сидел на камнях человек в капюшоне, по виду — монах, четки ходили проворно в его руках. Он следил за нами пристальным взором и явно прислушивался к разговорам. Наши волнения он уловил и когда мы решили расстаться, вдруг с нами заговорил. Сказал он: "О путники! Мне вас жаль! Пусть успокоятся ваши души и пусть растает печаль! Я готов рассеять вашу боязнь, с караваном пойти, чтоб охранять его по пути".

Говорит рассказчик:

Обещав ему высокую плату, мы пожелали узнать, в его ли силах караван охранять. Он ответил: "Во сне мне ниспосланы были слова такие, что отводят любые козни — и джинновские, и людские". Услышав это, мы переглянулись, меж собой перемигнулись. А ему стало ясно по недоверчивым лицам, что нам кажется, будто он в сторожа не годится. Тогда он сказал: "Зря вы золото считае-

те сором, а мои серьезные речи - вздором. Аллах свидетель, объездил я многие страны, из страшных опасностей выводил свои караваны, и ниспосланных слов чудесная сила без стрел и без стражников меня хранила. Я уничтожу ваши сомнения и в пути по пустыне рассею все опасения. Обо мне вы сами рассудите здраво, когда я проведу вас до ас-Самавы. Коль окажутся правдой мои слова, вы меня за труд хорошо наградите; коль окажутся ложью мои слова, накажите меня, как хотите: хотите - колите позора копьем, хотите - рубите острым мечом".

Говорит аль-Харис ибн Хаммам:

Так заставил он нас поверить в его сновидение и без спора принять его предложение, разорвав решимость петли сомнения. Мы подумали: теперь нам не страшен ни разбойник, ни злой путник, и кинули жребий - на чьем верблюде пойдет наш проводник. Вот подвязаны седла, готов караван в дорогу, но мы задержались еще немного: попросить, чтобы слова заветные были и нам открыты - тогда мы будем в любое время под надежной защитой. Проводник ответил: "О друзья, услышьте меня! Дважды в сутки, на грани ночи и дня, каждый из вас пусть Фатиху тихо прочтет и такую молитву смиренно произнесет:

О Аллах, оживляющий истлевшие кости! О господь, избавляющий от скрытой злости! От беды любой охраняющий, от щедрот своих награждающий! О прибежище жадующих спасения! О владыка прощения и снисхождения! Своего посланника благослови, достойного почестей и любви, и его родных пресветлые лики, и его сподвижников - мужей великих! Спаси меня от наущений шайтана, от угнетений султана, от притеснений тирана, от гонений гонителя, от преследований притеснителя, от вражды ненавистника, от злобы завистника, от нападения подавляющих, от подавления нападающих, от козней хитрецов, от обмана лжецов! Спаси от соседейседающих, от заступников наступающих, от друзей удручающих! Из бездны выведи, куда ввергнуты скверные, и под кущи введи, где рабы твои верные! О Аллах! Сбереги меня в доме родном и в крае чужом, при отправлении и при возвращении, в дальней дороге и на отчем пороге, в делах утруждающих, в досугах услаждающих, в трудностях и превратностях, в радостях и приятностях! Сохрани души моей чистоту и мощны полноту! Сохрани мою честь и добро, которое в доме есть, и семью мою, и родных, и долю мою от благ земных, и силу, и бодрое состояние, и богатство, и щедрое достояние! Не готовь пере-

мен мне от счастья к несчастью, злодею не дай надо мною власти и пошли мне помощника от всех напастей! О Аллах! Моим охранителем и покровителем будь, в благодеяниях меня не забудь! Ко благу веди меня по пути благому и не поручай попечителю другому! Даруй мне здоровье завидное и благоденствие благовидное! От бедствия бедности меня избавь и заступника праведного ко мне направь! Не дай погубить меня когтям врагов — ты ведь внимлешь молитвам твоих рабов!"

Кончив речь, старец очи вниз опустил и замолчал, словно лишился сознания и сил. То ли был он тайной мыслью томим, то ли страх пред Аллахом сделал его немым. Затем он голову поднял и стал глубоко вздыхать, прежде чем новую речь начать. Наконец он сказал:

"Клянусь созвездиями в небесных мирах, клянусь дорогами в земных краях, и солнцем, сияющим в вышине, и волной, разливающейся в глубине! Клянусь морями бурливыми и ветрами шумливыми — это самый надежный амулет и вернее его защиты нет. Тот, кто им от угрозы ограждается, в оружьи и войске не нуждается. Ты на рассвете эту молитву прочтешь — и весь день в безопасности проведешь. А прочтешь ее перед тьмой ночной — до утра не бойся беды никакой!"

Говорит рассказчик:

Мы стали молитву повторять, чтобы в памяти удержать, и друг за другом ее твердили, пока наизусть не заучили. наших верблюдиц теперь не погонщики погоняли, а слова молитвы, что мы от старца узнали, и охраняли наш караван не воины храбрые, а его талисман. А старец следил, чтобы мы выполняли свой долг на рассвете и на закате, и словно не помышлял о плате. Но как только вдали города Аны забрезжили очертания, он потребовал обещанного воздаяния. Мы ему показали, все с собой увезенное и все сбереженное, и все потаенное, и предложили дружно: "Выбирай, что тебе из этого нужно". Так раскрыв наши души, словно ключом, из бедняка он стал богачем: выбрал то, что поменьше величиной, но подороже ценой. Как вор обобрал нас этот хитрец и вдруг ускользнул, как ловкий беглец. Разлука с другом нас огорчила, исчезновение его удивило. И заблудшего спрашивали мы о нем, и того, кто идет прямым путем. А потом нам сказали, что с минуты прихода в Ану в винной лавке кутит он неустанно. Я подумал, что это — явная клевета, но все же рискнул пойти туда, хоть прежде в таких местах не бывал, заветы веры не нарушал. Переодетый, с прикрытым лицом,

ночью в винную лавку пришел я тайком и вижу: наш друг в одеянии
цветном сидит среди сосудов с вином; красавицы-девы вино ему под-
ливают, яркие свечи кругом мерцают, меж сосудов цветы благоухают,
флейта и лютня слух улаживают. А он то губами к сосуду прильнет,
то по струнам беглой рукой проведет, то ароматы цветов вдыхает,
то красавица ласкает. Увидав, что вчерашний аскет нынче бессты-
ден и пьян, донял я его низкий обман и воскликнул: "Аллах тебя
проклянет! Иль не помнишь, как ты сидел у дамасских ворот?" А
старик засмеялся, подмигнул, и песню мне в ответ затянул:

Я в разные страны
Водил караваны
В пустынях песчаных
Без пищи и сна,
Скитался в морях я,
Скакал на конях я,
Бродяжил в степях я,
А цель все одна -
Не богу молиться,
А страстью упиться,
Кутить, веселиться,
Напиться вина!
Для чувств многоводья
Спустивши поводья,
И дом и угодыя
Я пропил до дна.
И ради стремленья
Ловить наслажденья
Испил униженья
Я чашу сполна,
Но в хитрых уловках
Добыл я сноровку:
Дурачу всех ловко
И пью допьяна!
Не будь ты жестоким,
Оставь все упреки,
Морали уроки -
Ведь правда ясна:
Вино исцеляет
И дух укрепляет,
Печаль изгоняет,

Как зиме весна.
Коль старец почтенный
Грешит откровенно -
Пусть будет блаженна
Его седина!
Влюбленный и страстный,
Ты имя прекрасной
Скрываешь напрасно -
Пусть тайна видна!
И пламя в бокале
Зажечь не пора ли,
Коль светом печали
Душа зажжена?
Тоска твоя сгинет,
Уныние минет
И горе отхлынет
За кубком вина.
Тот кубок вечерний
Серебряной черни
Нальет виночерпий
С лицом как луна.
Мелодия песни
Звонит все чудесней,
Веселия вестник
Для сердца она.
Послушай совета:
На старость не сетуй,
Целуй до рассвета
Красавица спьяна.
В безумном влеченьи
Отбрось угрызенья -

Любовь к наслаждениям
Нам свыше дана.
Оплошность приметив,
Раскидывай сети —
Любому на свете

Добыча нужна!
Будь ласков с друзьями,
Осыпь их дарами,
Пусть жизнь их благами
До края полна!

Со скрягой не знайся,
До смерти не кайся,
Копить не старайся —
Ведь жадность бедна!

Я сказал: "Прекрасны твои стихи, зато ужасны твои грехи!
Ради Аллаха скажи, какого ты роду и племени — у меня об этом
гадать нет ни умения, ни времени". Он ответил: "Тайну свою я не
хочу открывать, могу о себе я только намеком сказать:

Узнай — я чудо всех времен,
Дивятся мне со всех сторон.
Средь мусульман и христиан
Творить я хитрости рожден.
Но я — оборванный бедняк.
Семьей большой обременен.
Я сын злосчастья и нужды,
Судьбой гоним и утеснен.
Меня ли можно упрекать,
Когда хитрить я принужден?

Говорит рассказчик:

Тут я понял, что предо мной Абу Зейд, грешник и искуситель,
благородных седин чернитель. Огорчило меня его порочное поведе-
ние, и я сказал языком презрения: "О шейх! Позорно твое безрас-
судство! Не пора ли бросить такое беспутство?" Он что-то сердито
проворчал, слегка призадумался, потом сказал: "Не для попреков
нам ночь дана, а для веселия и вина! Давай, до утра отложим спо-
ры, тогда я послушаю твои укоры". Я решил, что с пьяным не стоит
вадорить — лучше уйти и не спорить. Не надеясь, что Абу Зейд вы-
полнит обещание, провел я ночь, надев одежды раскаянья: видно,
входить мне было не надо в обитель детища винограда! И я Аллаху
пообещал стопы туда больше не направлять — хотя бы за это мне
предложили халифом стать! Я поклялся ни разу больше не видеть
вина и как его пьют — даже если за это мне юность мою вернут!
Затем мы пустились в путь на верблюдах утром рано и оставили
Абу Зейда в объятьях найтана.